

Диакон Николай Серебряков

Критика документальной и других рационалистических гипотез происхождения Пятикнижия в русской библеистике второй половины XIX — начала XX вв.

УДК 27-242.4:27-277

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_69

Аннотация: В статье представлен краткий обзор трудов отечественных библеистов 2-й пол. XIX — нач. XX вв., посвященных критике рационалистических гипотез происхождения Пятикнижия (в первую очередь, документальной гипотезы). Рассматриваются подходы отечественных ученых к изучению Пятикнижия и результаты их исследований. На ряде примеров проводится сравнение этих подходов и результатов с тем, что пишут по данной теме современные зарубежные библеисты. Несмотря на существенное различие исследовательских парадигм отечественных дореволюционных библеистов и современных зарубежных исследователей Пятикнижия, последние часто приходят к тем же выводам, что и первые, и уже в свою очередь критикуют документальную гипотезу (в классическом изложении Ю. Велльгаузена), хотя и не отказываются от общего критического подхода к происхождению Пятикнижия. Данные примеры согласия в выводах свидетельствуют о том, что труды отечественных библеистов 2-й пол. XIX — нач. XX вв. не потеряли свою актуальность. Это обусловлено тем, что дореволюционные ученые основывали свои выводы на тщательном историко-филологическом анализе библейского текста. И, что важно, они сумели при этом сохранить приверженность традиционным христианским воззрениям на Пятикнижие. Скептическое же отношение некоторых представителей современной отечественной библеистики к работам своих предшественников связано не с тем, что последние использовали неверную методологию или устаревшие данные, а в первую очередь с тем, что их воззрения на Св. Писание не вписываются в рамки господствующей сейчас в библеистике рационалистической парадигмы.

Ключевые слова: Пятикнижие, Ветхий Завет, Священное Писание, русская дореволюционная библеистика, библейская критика, документальная гипотеза.

Об авторе: **Диакон Николай Станиславович Серебряков**

Кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры библеистики Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского университета.

E-mail: nikserebr@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7392-623X>

Для цитирования: Серебряков Н., диак. Критика документальной и других рационалистических гипотез происхождения Пятикнижия в отечественной библеистике второй половины XIX — начала XX вв. // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 69–85.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта «Документальная гипотеза в контексте современных теорий происхождения Пятикнижия» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ.

Автор благодарит за обсуждение материала статьи коллег по проекту: М. А. Скобелева, М. В. Виноградова, А. В. Ложкина, И. А. Фридмана, И. А. Хангиреева (ПСТГУ) и А. В. Лаврентьева (Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Первого МГМУ им. И. М. Сеченова).

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2022

Deacon Nikolay Serebryakov

**A Critique of the Documentary and Other Rationalist Hypotheses
of the Origin of the Pentateuch in Russian Biblical Scholarship
of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries**

UDK 27-242.4:27-277

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_69

Abstract: The article presents a brief overview of the works of Russian biblical scholars of the second half of the 19th to early 20th centuries, dedicated to the criticism of rationalistic hypotheses of the origin of the Pentateuch (primarily the documentary hypothesis). The approaches of Russian scholars to the study of the Pentateuch and the results of their research are considered. A number of examples compare these approaches and results with what modern foreign biblical scholars write on this topic. Despite the significant difference between the research paradigms of domestic pre-Revolutionary biblical scholars and modern foreign researchers of the Pentateuch, the latter often come to the same conclusions as the former, and in turn criticize the documentary hypothesis (in the classical presentation of J. Wellhausen), although they do not abandon the general critical approach to the origin of the Pentateuch. These examples of agreement in the conclusions indicate that the works of Russian biblical scholars of the 2nd half of the 19th to early 20th century have not lost their relevance. This is due to the fact that pre-Revolutionary scholars based their conclusions on a thorough historical and philological analysis of the biblical text. And, importantly, they managed to maintain their adherence to the traditional Christian views on the Pentateuch. The skeptical attitude of some representatives of modern domestic biblical studies to the works of their predecessors is not due to the fact that the latter used the wrong methodology or outdated data, but primarily to the fact that their views on Holy Scripture do not fit into the framework of the rationalistic paradigm that is currently dominant in biblical studies.

Keywords: Pentateuch, Old Testament, Scripture, Russian pre-Revolutionary biblical scholarship, biblical criticism, documentary hypothesis.

About the author: **Deacon Nikolay Stanislavovich Serebryakov**

Ph. D. in Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor of the Department of Bible Studies of Faculty of Theology at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

E-mail: nikserebr@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7392-623X>

For citation: Serebryakov N., deacon. A Critique of the Documentary and Other Rationalist Hypotheses of the Origin of the Pentateuch in Russian Biblical Scholarship of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 1, pp. 69–85.

Financing: The article was prepared in the framework of the project “Documentary hypothesis in the context of modern theories of the origin of the Pentateuch” with the support of the Fund for Development of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

Начиная с XVI в. в связи с применением историко-филологического метода к библейским текстам в Западной Европе появляются многочисленные рационалистические гипотезы происхождения Пятикнижия, в которых отвергается традиционное представление о пророке Моисее как авторе первых пяти книг Библии и утверждается их значительно более позднее происхождение¹. Наиболее авторитетной и признанной стала сформулированная во второй половине XIX в. немецким ученым Юлиусом Велльгаузенем (1844–1918) документальная гипотеза², согласно которой текст Пятикнижия был составлен из разновременных четырех документов (Яхвист — J, Элохист — E, Девтерономист — D и Священнический кодекс — P) и окончательно отредактирован лишь после Вавилонского плена [Велльгаузен, 1909]³. Данная гипотеза (хотя и в сильно модифицированном виде) до сих пор является основной в научной библеистике (см., напр.: [Albertz, 2018]).

Став известными в России преимущественно с начала XIX в., указанные рационалистические гипотезы и в целом историко-критическая библеистика⁴ были восприняты в Русской Православной Церкви как явный вызов церковной традиции, который требовал ответа. И если в 1-й половине XIX в. отечественная богословская школа (в том числе и в области библеистики) находилась только в стадии зарождения и пока еще не могла дать этот ответ (а первые попытки применения научного историко-филологического метода к Св. Писанию были весьма болезненными; см.: [Сухова, 2014]), то уже к концу XIX в. православные библеисты, представители различных духовных школ (в первую очередь, Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской академий) оказались вполне способными ответить на вызов «отрицательной критики». Можно сказать, что формулирование ответа на вызов рационализма способствовало быстрому развитию библейской науки в русских духовных школах. Ведь дискутируя с представителями библейской критики, отечественным библеистам приходилось и глубоко прорабатывать многочисленную западную научную литературу (как критического плана, так и консервативного), и осваивать историко-филологический метод, которым пользовались их западные коллеги (куда входили и тщательный филологический анализ древнееврейского текста и различных переводов Библии, и методы археологических исследований,

¹ Стоит отметить, что критика авторства пророка Моисея появилась еще в первые века по Р. Х., в частности у неоплатоника Порфирия (III в.; см. слова Порфирия на эту тему в: [Ранович, 1990, 369]). В начале второго тысячелетия подлинность ряда фрагментов Пятикнижия отвергали раввины Исаак бен-Иазос (XI в.) и Авраам ибн Эзра (XII в.). Одними из первых среди христиан, кто высказал сомнения по поводу традиционных представлений об авторстве и датировке Пятикнижия, были протестант Андреас Боденштейн из Карлштадта (1520) и католик Андреас Мазеус (1574). Позже об этом писали кальвинист Исаак де ла Перейр (1655) и католический библеист Ришар Симон (1678; о нем: [Райзер, 2011]) и др. Недвусмысленно свои сомнения в авторстве пророка Моисея высказал и один из основателей библейской рационалистической критики Томас Гоббс (1651) (Гоббс, 2001, 259–260), а за ним и Барух Спиноза (1670) (Спиноза, 2015, 105–114). Обзор истории представлений о происхождении Пятикнижия см., напр., в: [Гантлевский, 2000, 32–80; Фридман Р., 2011, 21–46 и др.]

² Также используется название «документальная гипотеза». Эта гипотеза существовала и до Велльгаузена, но он дал ей классическую формулировку, которая практически в неизменном виде просуществовала до 70-х гг. XX в.

³ Велльгаузен рассматривал Пятикнижие вместе с книгой Иисуса Навина, которые составляют т. наз. Шестикнижие. Указанные источники датируются Велльгаузенем так: объединенный JE (называемый им «иеговистом») — периодом монархии до уничтожения Северного царства (X–VIII вв.), D — временем реформы царя Иосии (621 г.), P — временем вавилонского плена или сразу после него (около 500). Окончательный свой вид Пятикнижие получило около 400 г. до Р. Х. [Велльгаузен, 1909, 11, 412–419].

⁴ В связи с тем, что представители такой библеистики отрицали многие традиционные христианские представления о Св. Писании, в русской дореволюционной литературе, как и у некоторых консервативных западных авторов XIX в., это направление называлось «отрицательной библейской критикой» (см., напр.: [Елеонский Ф., 1899, 67; Рыбинский, 1908, 612]; ср.: «negative criticism» — [Smith, 1868, 377]).

и сравнительное изучение памятников древневосточной письменности и др.). Все это привело к тому, что к XX в. российская библеистика вполне вышла (пусть не в количественном, но в качественном плане) на мировой уровень того времени⁵. И при этом ее важной особенностью было не только глубокое освоение указанного историко-филологического метода (чему способствовали, в том числе, стажировки в европейских университетах, слушание там лекций ведущих библеистов, работа в библиотеках, участие в археологических раскопках и проч.; см.: [Сухова, 2007; Сухова, 2012]), но и укорененность в церковной традиции, благодаря чему был осуществлен определенный синтез историко-филологического метода с традиционным христианским подходом к Библии⁶.

Уже начиная с середины XIX в.⁷ в России стали публиковаться работы, в которых как опровергались «доказательства» позднего происхождения первых пяти книг Библии, так и выдвигались аргументы в пользу глубокой древности этих книг в целом, и авторства пророка Моисея в частности (при этом не исключались определенные изменения текста, неизбежно появляющиеся в ходе многовековой истории существования первых пяти книг Библии⁸). Конечно, в основном русские библеисты следовали наработкам западных библеистов-традиционалистов (как католиков, так и протестантов)⁹, но со временем к этим наработкам стали добавляться уже собственные наблюдения и анализ. И, главное, в отечественных работах делалось обобщение многочисленных западных исследований по данной теме именно с православной точки зрения. Охват используемой литературы был весьма широким: отечественные

⁵ Безусловно, еще многое в отечественной библеистике было неблагоприятным. Сами русские библеисты того времени это понимали и достаточно критически отзывались о ситуации в данной области богословской науки (см., напр., [Елеонский Ф., 1884, 277–278; Жданов, 1913–14, 15, 17, 22]). Но все же отдельные отечественные исследования стояли вровень с разработками западных коллег. Эту ситуацию, напр., так описывал профессор СПбДА свящ. А. П. Рождественский в рецензии на книгу архим. Феофана (Быстрова) о Тетраграмме: «Под влиянием неблагоприятных для нашей библейской науки условий русская литература, относящаяся к этой области, представляет своеобразное явление. В то время как у нас не имеется ни одного полного комментария к Библии, совсем нет ученых толкований на некоторые отдельные книги Библии, и желающий познакомиться с ними более или менее основательно должен обращаться к немецким или английским пособиям, — в то же время у нас иногда появляются исследования по самым специальным вопросам библейской науки, которые сделали бы честь и не столь бедной, как наша, литературе» [Рождественский, 1905, 406].

⁶ Конкретные примеры такого синтеза в отношении ветхозаветной библеистики рассмотрены в: [Юревич, 2002; Тепляшин, 2009; Ириной Пиковский, 2016] и др.

⁷ Переломный характер того времени связывают с разными причинами: с выходом в свет написанной еще в 1845 г. записки свт. Филарета Московского «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славенского переводов Священного Писания» [Филарет Дроздов, 1858], с разрешением в 1856 г. возобновить перевод Библии на русский язык, с новым академическим уставом 1869 г., с учреждением с 1859 г. почтительных премий за научные труды и др. [Елеонский Ф., 1901, 633–638; Мень, 1987, 278].

⁸ Небольшие поздние вставки в текст Пятикнижия (Быт 13:18; Быт 36:31–43; Исх 16:35; Втор, гл. 34) допускал, в том числе, и свт. Филарет Московский в своем известном толковании на книгу Бытия [Филарет Московский, 1819, III] (то же и в последнем прижизненном издании 1867 г.). Из русских библеистов самое большое количество поздних вставок принимал, видимо, доцент МДА А. А. Жданов: «Моисею не принадлежит конец Пятикнижия — последние три или четыре главы Второзакония; а также есть позднейшие пояснительные вставки в самом тексте Пятикнижия. Прибавление сделано с целью дополнить историю Моисея сведениями о его последних распоряжениях, смерти и погребении. Вставки, по большей части, можно объяснить внесением в текст замечаний, первоначально кем-либо помещенных на полях древних манускриптов, или же намеренными дополнениями писателей, живших немного спустя после Моисея» [Жданов, 1913–1914, 147].

⁹ Например, часто использовались такие работы (в хронологическом порядке): [Hengstenberg, 1839; Kurtz, 1846; Hävernick, 1856; Smith, 1868; The Holy Bible, 1871; Keil, 1873; Keil, Delitzsch, 1885; Vigouroux, 1887; Martin, 1886–1889; Lex Mosaica, 1894; Hummelauer, 1895; Hummelauer, 1901; Robertson, 1896; Green, 1896; Cornely, 1897].

ученые ссылались на публикации на латинском, немецком, английском, французском, итальянском, голландском и прочих языках¹⁰. Используя обзоры публикаций из работ западных авторов, русские ученые даже дополняли их, тем самым показывая свои эрудированность и основательность в изучении темы¹¹. При несомненной опоре на исследования западных ученых, русские библеисты не следовали за ними слепо, а критически их оценивали и сравнивали, используя из них лишь наиболее обоснованные аргументы или же, отвергнув все имеющиеся там объяснения, предлагали свои собственные¹².

К 1917 г. отечественных публикаций (статей и монографий) на тему происхождения Пятикнижия насчитывалось уже около сотни (не считая переводы работ западных консервативных библеистов). Критические высказывания отечественных авторов в отношении документальной и прочих рационалистических гипотез можно найти как в специальных апологетических работах (напр.: [Елеонский Ф., 1871–1873; Елеонский Ф., 1899а; Елеонский Ф., 1899б; Смирнов, 1887; Покровский, 1890; Глаголев С., 1899; Царевский, 1889; Лопухин, 1895; Елеонский Н., 1904; Рыбинский, 1908] и др.), так и в сугубо научных трудах, касающихся конкретных тем Ветхого Завета (напр.: [Елеонский Н., 1872–1873; Юнгеро́в, 1880; Дагаев, 1898; Феофан Быстров, 1905; Леонардов, 1903; Леонардов, 1904; Глаголев А., 1912; Глаголев А., 1914; Введенский, 1914]) или же отдельных ветхозаветных книг (напр.: [Юнгеро́в, 1897; Бродович, 1901]). Многие аргументы против рационалистических гипотез суммировались в различных учебных пособиях и словарях (напр.: [Михаил Лузин, 1899¹³; Властов, 1879; Жданов, 1913–1914¹⁴; Рыбинский, 1905; Юнгеро́в, 1907]). Даже в рецензиях на труды коллег отечественные ученые старались дополнить или исправить друг друга, чтобы ни один аргумент, подтверждающий подлинность Пятикнижия, не остался без внимания и, наоборот, чтобы слабые аргументы не использовались при защите авторства пророка Моисея¹⁵.

Главной причиной неприятия православными библеистами гипотез библейской критики относительно Пятикнижия являлся очевидный для людей того времени факт, что в основании данной критики с самого начала находился рационализм

¹⁰ Работы на всех указанных языках использовал, напр., архим. Феофан (Быстров) в своем труде о Тетраграмме (см.: [Рождественский, 1906, 407–408]).

¹¹ Так, тот же архим. Феофан (Быстров) «находит возможность дополнять даже отличающиеся своею тщательностью и полнотой списки литературы немецких ученых» [Рождественский, 1906, 408].

¹² Уже одна из первых отечественных работ на эту тему — будущего профессора (тогда доцента) СПбДА Ф. Г. Елеонского — характеризуется таким критическим анализом используемой литературы в отношении не только представителей отрицательного направления, но и авторов-традиционалистов (напр.: [Елеонский Ф., 1873, 695–698 и далее]). Сам Ф. Г. Елеонский свой подход к работе библеиста описывал так: «Богатство западных комментариев не освобождает русского экзегета от напряженного собственного труда. Недостаточно только прочитать два-три западных комментария, чтобы при их руководстве составить свой собственный. Нужно наперед самому экзегету тщательно изучить ветхозаветный памятник, пользуясь хотя тем богатым материалом, какой собран в западных комментариях; это изучение должно состоять в знакомстве, по крайней мере, с еврейским и греческим текстами, в изучении оснований для такого или иного понимания известного места, в проверке и оценке этих оснований, в отделении общепризнанного и доказанного наукою от предполагаемого тем или другим экзегетом, в уяснении цели или назначения каждого из делаемых объяснений и т. п. Если экзегет не берет на себя подобного труда, то и сам он, и читатель не могут быть уверены в том, что в комментарии сообщаются верные, основательные сведения, служащие к надлежащему пониманию священных книг» [Елеонский Ф., 1877, 762], см. также [Елеонский Ф., 1884, 278].

¹³ Это публикация лекций, составленных в начале 2-й пол. XIX в.

¹⁴ Это публикация лекций, составленных в 1891–1893 гг.

¹⁵ См., напр.: [Елеонский Ф., 1877]. Также см. критику некоторых предположений А. П. Лопухина в [Введенский, 1914, 76, сн. 2] и др. Отечественные библеисты критически оценивали даже взгляды родоначальника библейской науки в России — свт. Филарета Московского, не соглашаясь с некоторыми его высказываниями, изложенными в «Записках на книгу Бытия» (см., напр.: [Юнгеро́в, 1907, 63]).

с характерным для него непризнанием богодухновенности Священного Писания¹⁶ и отрицанием описанных в Библии событий, лиц и особенно чудес¹⁷ («чудобоязнь»), по выражению еп. Михаила (Лузина) [Михаил Лузин, 1899, 10, 77–78)]. На это указывают как обзоры истории возникновения историко-критических гипотез, представленные в [Елеонский Ф., 1971, 616–640; Елеонский Н., 1904, 5–16; Леонардов, 1903, 248–267; Леонардов, 1904, 591–612; Юнгеров, 1907, 33–53; Рыбинский, 1908, 575–613 и др.], так и прямые высказывания самих творцов этих гипотез¹⁸. В качестве примера такого высказывания можно привести слова одного из основоположников документальной гипотезы Вильгельма М. Л. де Ветте из его известной книги «Очерки к введению в Ветхий Завет» (1806–1807): «Наши исследования доказали, что Пятикнижие с начала до конца содержит, с одной стороны, мифы, т. е. зачастую полностью вымышленные писателями и традицией фантастические и сверхъестественные истории, и, с другой стороны, ненадежные, колеблющиеся, частично противоречащие друг другу старые легенды. Особую группу составляют юридические мифы, т. е. законы и установления более поздней эпохи, которые, по ставшей уже обычаем фикции, приписываются Моисею и привязываются к биографии Моисея. Если среди этих мифов и ненадежных, противоречивых легенд подчас обнаруживаются сообщения, имеющие как будто вид подлинной традиции, то это все же не спасает репутацию Моисеева повествования, ибо они единичны. Кроме того, способ их использования как авторами отдельных эпизодов, так и компиляторами тоже придает им мифический характер. Они настолько поглощены мифами, что и сами не могут считаться исторически истинными. Даже те ветхозаветные сообщения, которые исторически правдивы, рассматривались и истолковывались как мифы; мы должны рассматривать их и обращаться с ними подобным же образом. Пятикнижие предстает перед нами теперь как целое, и не только потому, что какой-то составитель так его скомпоновал, а потому, что оно является коллективным продуктом господствовавшего в определенный период способа изложения и обработки древней истории. Как целое, однако, оно имеет, в конечном счете, мифологическое значение; равным образом и коренится оно в мифологической почве. Нигде мы не находим в нем твердой исторической основы. Авраам, Иаков, Иосиф, исход из Египта, законодательство — все эти важнейшие моменты поглощены мифами и подчинены законам мифологии» [Де Ветте, 1964, 304–305]. Очевидно, что после таких слов остальное в работе данного автора и его последователей будет читаться христианами без симпатии¹⁹.

Дополнительной (но напрямую вытекающей из предыдущей) причиной неприятия отечественной библеистикой указанных гипотез происхождения Пятикнижия

¹⁶ Представления дореволюционных отечественных богословов о богодухновенности Библии кратко рассмотрены в: [Юревич, 2005].

¹⁷ Ср.: [Глаголев С., 1899, 330–331].

¹⁸ Об этом же открыто говорилось и русскими переводчиками библейско-критических работ в нач. XX в. (напр., Н. М. Никольским в предисловии к книге [Вельгаузен, 1909] на стр. XII), а потом уже в советской атеистической литературе XX в. (напр., очень характерно указание на это даже в краткой аннотации на обороте титульного листа книги советского востоковеда И. Ш. Шифмана «Ветхий Завет и его мир»: «На основе анализа древнееврейских текстов, вошедших и не вошедших в канон, он доказывает несостоятельность тезиса о богодухновенности Библии, рассказывает историю Ветхого завета, составленного из соответствующим образом препарированных древнеизраильскими жрецами памятников литературы и общественной мысли древней Передней Азии» [Шифман, 1987, 5].

¹⁹ Однако в менее явных случаях использование при оценке библейских исследований таких слишком общих критериев, как рационализм и непризнание богодухновенности Писания, не всегда возможно, т. к. западные библеисты по-разному понимали и рационализм, и богодухновенность, тем более, некоторые из них являлись ревностными христианами, жившими согласно Евангелию, и поэтому их никак нельзя обвинить в непризнании богодухновенности Писания (см., напр.: [Жданов, 1913–14, 23]). Более того, как видно из примеров полемики в отечественной дореволюционной духовной печати, иногда один автор мог обвинить в рационализме другого только лишь за то, что тот придерживается других взглядов на какую-либо частную проблему (см., напр.: [Мышцын, 1902]).

стала их жесткая связь (особенно в работах того же Велльгаузена²⁰) с гипотезой естественного, эволюционного развития ветхозаветной религии (см., напр.: [Елеонский Ф., 1899а, 987–989; Леонардов, 1904, 601–604; Елеонский Н., 1904, 9–16; Юнгеров, 1907, 47–49; Введенский, 1914, 18–21] и др.). В рамках этой гипотезы предполагается, что более простые и естественные формы религиозного культа должны предшествовать более сложным и более искусственным, и поэтому тот вид религиозного поклонения в израильском народе (в том числе характеризующийся жесткой централизацией культа), который описывается в Пятикнижии, не мог появиться одновременно при пророке Моисее, а постепенно формировался в течение многих веков (вплоть до полной кодификации законов о культе около 400 г. до Р. Х.²¹) и зависел от многих исторических обстоятельств (появление монархии, гибель Израильского царства, Вавилонский плен, усиление роли жречества после плена и т. д.). А значит, и текст Пятикнижия складывался на протяжении всего этого времени, «в полном соответствии со стадиями развития, указываемыми историей» [Велльгаузен, 1909, 11]. Как резюмировал этот подход Д. С. Леонардов, «Велльгаузен в своей теории хотел дать торжественное свидетельство, что натуральный процесс религиозного развития человечества – вот единственно возможный источник содержания Библии» [Леонардов, 1904, 601–602].

Однако отечественные библеисты не останавливались на констатации мировоззренческого конфликта, но также старались показать, что и с научной точки зрения у данных гипотез происхождения Пятикнижия есть много слабых мест.

Критика указанных гипотез велась по двум направлениям: с одной стороны, отечественные библеисты опровергали аргументы отрицательной критики, а с другой, сами указывали на факты, свидетельствующие о древности Пятикнижия и об авторстве пророка Моисея.

Так, русскими библеистами подробно разбирались такие известные аргументы библейской критики (якобы указывающие на позднее происхождение Пятикнижия и на многочисленность его авторов), как: употребление разных имен Божиих в разных частях текста Пятикнижия (и связанное с этим различие в языке и содержании этих частей) [Юнгеров, 1880, 398–400; Елеонский Н., 1904, 95–100; Юнгеров, 1907, 75–91; Феофан Быстров, 1905, 168–208; Жданов, 1913–14, 111–113 и др.]; исторические и географические анахронизмы (подр. в: [Елеонский Ф., 1871, 935–957; Елеонский Ф., 1872, 303–320, 574–621; Елеонский Ф., 1873, 692–730, 425–437; Юнгеров, 1907, 54–74, 94–96; Жданов, 1913–14, 114–144]; более кратко в: [Елеонский Н., 1904, 100–106]); повторы сюжетов или противоречия между сюжетами [Юнгеров, 1907, 91–93; Жданов, 1913–1914, 106–107] (в частности, различия постановлений закона во Второзаконии и в предыдущих книгах [Юнгеров, 1907, 97–100; Жданов 1913–14, 144–147; Глаголев А., 1912, 356–361]) и т. д. Также рассматривались предполагаемые критикой несоответствия между постановлениями закона Моисея и фактами религиозной жизни евреев в периоды Судей и Царств (жертвоприношения по местам и делание изображений Бога [Елеонский Ф., 1873, 688–702; Елеонский Н., 1904, 43–57], имена израильтян, включающие в себя наименования языческих божеств [Елеонский Ф., 1900, 913–939] и т. д.) и несоответствия между постановлениями закона Моисея и писаниями пророков (якобы осуждение последними внешнего культа, напр., Ос 6:6, и др.) [Покровский, 1890, 75–80, 86–98; Елеонский Н., 1904, 19–26; Бродович, 1901, XLIV–XLV]. Наконец, показывалось несостоятельность утверждения об отсутствии письменности у Израиля времен пророка Моисея и, следовательно, отсутствии у евреев вообще каких-либо книг [Лопухин, 1895, 470–488; Елеонский Н., 1904, 78–85]; см. также: [Властов, 1879, 30–31; Елеонский Ф., 1899, 74–77].

²⁰ «В Пятикнижии находится три слоя законодательства и традиции, и задача заключается в том, чтобы поставить эти слои в порядке их исторической последовательности» [Велльгаузен, 1909, 324].

²¹ «...мы стараемся проследить развитие, исходящее из пророчества, вплоть до его завершения в законе о культе» [Велльгаузен, 1909, 325].

Что же касается аргументов, которые приводят отечественные библеисты для подтверждения древности Пятикнижия, то таковыми являются следующие:

1. Так, обычным аргументом являлось указание на наличие многочисленных ссылок на Пятикнижие в более поздних по отношению к нему (с традиционной точки зрения) ветхозаветных книгах, таких как книги пророков Осии, Амоса, Исаии (первая часть), а также некоторые главы книги Судей, которые самими библейскими критиками того времени считались самыми древними среди всех ветхозаветных книг. Эти ссылки содержат указания на события, топонимы и лица Пятикнижия, а также прямые цитаты и аллюзии на него [Дагаев, 1898, 16–31; Елеонский Н., 1904, 26–39; Бродович, 1901, XXXIX–XLV; Юнгеров, 1907, 17–22]; см. также: [Покровский, 1890, 74–98; Елеонский Ф., 1899, С. 92–96]. В первую очередь, православные ученые приводят ссылки на «Священнический кодекс» (Р), который Велльгаузен и др. считали самым поздним документом (VI–V вв. до Р. Х.). Попутно критиковались контраргументы сторонников библейской критики, объясняющих наличие этих ссылок (например, что это вообще не ссылки, или что они вставлены поздними редакторами, или же что, наоборот, «авторы» Моисеевых книг пользовались предшествовавшей им пророческой литературой и проч.) [Елеонский Ф., 1899, 988–999; Елеонский Н., 1904, 40–43].

2. Еще одним аргументом защитников подлинности первых пяти книг Библии было указание на архаичность языка и стиля Пятикнижия, что несвойственно, например, тем же пророческим книгам [Жданов, 1913–1914, 53–62; Елеонский Н., 1904, 75–77; Юнгеров, 1907, 33].

3. Также обращалось внимание на соответствие текста Пятикнижия (начиная с истории Авраама) историческим реалиям Древнего мира II тыс. до Р. Х., о которых не могли знать предполагаемые критиками «авторы» Пятикнижия середины I тыс. до Р. Х., но которые стали известны лишь начиная со 2-й пол. XIX в. по Р. Х. в связи с началом проведения археологических раскопок [Введенский, 1914, 435–437; Елеонский Ф., 1877, 711–712; Юнгеров, 1907, 26–29; Жданов, 1913–1914, 63–64; Елеонский Н., 1904, 37–38, 76–77]; см. также: [Лопухин, 1889, 231–735] и др.

Нельзя сказать, что абсолютно все аргументы отечественных библеистов выглядят убедительными²², однако ими была достаточно аргументированно показана надуманность многих положений «отрицательной критики» в отношении Пятикнижия.

* * *

Спустя столетие обращаясь к работам отечественных библеистов XIX – нач. XX вв., можно поставить вопрос о пользе этих исследований для современного православного библеиста, в том числе в решении происхождения Пятикнижия. И часто ответ на этот вопрос является отрицательным: некоторые современные отечественные, в том числе православные ученые считают, что работы дореволюционных библеистов уже давно устарели и не могут сейчас принести никакой пользы. Ведь слишком много прошло времени, и наука ушла далеко вперед, обогатившись новыми методами и новыми

²² Это понимали и сами ученые, поэтому они часто указывали на то, что их выводы имеют лишь предположительный характер и многое еще остается неясным. Так, напр., Ф. Г. Елеонский, резюмируя обсуждение культовой практики времен судей и первых царей, пишет следующее: «Мы видим, таким образом, что и в объяснениях богослужебной практики последующего за Моисеем времени, с точки зрения происхождения от него постановлений Второзакония о месте богослужения, остаются не вполне понятными некоторые обстоятельства. Ветхозаветные исторические памятники не объясняют, например, нам, почему ковчег завета во всё время правления пророка Самуила и Саула оставался в доме Аминадава и не был перенесен в силовскую скинию, или – почему, например, Давидом не была перенесена из Гаваона в Иерусалим скиния Моисея. Но в виду недоумений, возбуждаемых этими обстоятельствами, мы не можем, однако, остановиться и на выводе критики, так как при этом возникает, как мы видели, весьма много недоумений, устраняемых только посредством совершенно произвольного предположения» [Елеонский Ф., 1873, 701–702].

знаниями, без учета которых трудно себе представить современное исследование²³. Однако, как представляется, это не совсем так, по крайней мере в отношении работы с текстом Писания, что, как и прежде, является основой в исследовании библеиста. И это хорошо видно хотя бы по тем выводам, которые делает современная западная библеистика касательно происхождения Пятикнижия и которые часто согласуются с тем, о чем писали русские дореволюционные богословы. Ниже приводятся некоторые примеры такого согласия результатов.

1. Как известно, основой разделения текста Пятикнижия на источники (документы) явилось возникшее еще в XVIII в. и связанное с именами Жана Астриюка и Хеннига Виттера предположение о том, что в разных источниках используются разные имена Бога: Элохим и Тетраграмматон. Эти источники впоследствии получили название «Элохист» и «Яхвист». Такой способ разделения текста Пятикнижия был воспринят многими библеистами и до сих пор применяется, хотя, конечно, в сильно модифицированном виде (уже в XIX в. первоначальный «Элохист» стал называться «Жреческим кодексом», а нынешним «Элохистом» стал так называемый позже выделенный «младший Элохист») [Велльгаузен, 1909, 6].

Очевидно, что это предположение еще в XIX в. многократно критиковалось консервативными библеистами, в том числе и отечественными (еще свт. Филарет Московский отвечал на него в своих «Записках на книгу Бытия»²⁴). Обычно указывалось на то, что употребление различных имен Божии в разных текстах вовсе не говорит о нескольких авторах или источниках Пятикнижия, а обусловлено лишь определенным контекстом, т.к. имена имеют разное богословское значение: имя Элохим используется тогда, когда нужно указать на Бога-Творца и Вседержителя, Всемогущее Высшее Существо. Тетраграмматон же используется тогда, когда нужно указать на личного Бога, Бога Завета, открывающегося людям, заботящегося о них, действующего в истории для того, чтобы спасти все человечество [Елеонский Н., 1872, 40–41; Властов, 1879, 32; Юнгеров, 1880, 398–399; Елеонский Н., 1904, 95–100; Феофан Быстров, 1905, 72–73, 181 и др]²⁵.

Казалось бы, XX в. принес полную победу критическому взгляду на Пятикнижие. Но и в середине этого столетия некоторые признанные исследователи Библии

²³ См., напр.: «Что касается собственно научных трудов позапрошлого столетия, то, к сожалению, сегодняшней ученый мало что может из них заимствовать. Во-первых, с тех пор неизмеримо возросли наши знания об историко-культурном контексте Библии: о месопотамской и древнеегипетской цивилизациях, о государствах, существовавших в древности в Сирии и Палестине, об иудаизме эллинистическо-римского времени. Чего стоят находки угаритских текстов XIV века до Р. Х. или свитков Мертвого моря! Во-вторых, сама наука с тех пор стала совершенно другой. У нее другая методология, другие правила. Чисто с методологической точки зрения многие работы XIX века нам сейчас уже кажутся дилетантскими. Слепо следовать трудам столетней или стопятидесятилетней давности, тем более класть их в основу учебного процесса — это дорога в „гетто“, в новое старообрядчество» [Селезнев, 2014, 72].

²⁴ «Достоин замечания, что во вступлении в повествование о человеке в первый раз полагается в Св. Писании величественное имя Иегова, то есть Сый или Осуществователь, в соединении с употребленным прежде именем Элогим Бог. Может быть, намерение повествователя было внушить чрез сие особенно то, что Бог, Творец мира и человека, есть Тот самый, который открылся Израилю как Осуществователь благодатных обетований» [Филарет Дроздов, 1819, 57–58].

²⁵ Примерно так же объяснялось употребление имен Божиих в 1–2 главах книги Бытия еще в Древней Церкви. Так, блж. Августин писал: «Поэтому, как мне думается, совершенно не случайно, но с целью указать на нечто важное, с самого начала этой Божественной книги, с самых первых ее слов: „В начале сотворил Бог небо и землю“ (Быт 1:1) и вплоть до настоящего места, нигде не говорится „Господь Бог“, а только „Бог“. Теперь же, когда речь зашла о том, что Бог поместил человека в раю и дал заповедь возделывать его и хранить, Писание говорит „Господь Бог“ (Быт 2:15); говорит не потому, что Бог не был Господом и вышепоименованных тварей, а потому, что писано это не для ангелов и не для других тварей, а именно для человека, для напоминания ему, насколько ему полезно иметь Бога Господом, т.е. жить послушно под Его властью, а не пользоваться самовольно своею властью» (Августин, 2000, 512–513, 8, XI).

держались мнения, что распределение имен Божиих в тексте Пятикнижия не указывает на разные его источники. В частности, на этом настаивал известный итальяно-израильский библеист Умберто Кассуто, подробно разбирающий случаи использования Элохим и Тетраграмматон в тексте Библии. Он, также как и отечественные дореволюционные библеисты, указывал на то, что в Пятикнижии имеется последовательное разграничение значений этих имен и каждое из них употребляется только в определенном контексте [Калинин, 2013, 579] (подр. см. в: [Фридман И., 2019]). Кассуто привел семь вариантов правила выбора между Божественными именами в зависимости от контекста. Эти правила отличаются в деталях, но в целом близки друг другу. Например, пятый вариант правила формулируется У. Кассуто так: «Имя YHWH используется тогда, когда Бог представляется нам в Его личном характере и в непосредственном отношении к людям или природе; а Элохим — когда Божество упоминается как Трансцендентное Существо, существующее полностью вне и над физической вселенной», шестой же вариант такой: «Тетраграмматон появляется тогда, когда речь идет о Боге Израиля по отношению к Его народу или к их предкам; Элохим — когда о Нем говорят в отношении тех, кто не принадлежит к избранному народу» [Cassuto, 1961, 31]²⁶ и т. д. Как видно, все эти правила очень близки тому, о чем говорилось в трудах дореволюционных отечественных ученых.

Важно, что и в конце XX в. даже те ученые, которые являются убежденными сторонниками составного характера Пятикнижия (например, известный канадский ученый Джон Ван Сетерс), также видели проблематичность выделения источников Пятикнижия по именам Божиим, правда, это относится лишь к разделению источников J и E, тогда как «Жреческий кодекс», с их точки зрения, всегда четко отделяется от не-жреческих текстов, в том числе и на основании имен Божиих [Van Seters, 1999, 26–27]²⁷.

2. Следующий пример связан не с принципом выделения источников Пятикнижия, а с результатами такого выделения. В рамках классической формулировки документальной гипотезы Ю. Велльгаузена источник D соответствует большей части объема книги Второзакония, а другие три источника: J, E и P, вычлениваются из остальных четырех книг Пятикнижия, причем одна какая-либо глава библейской книги может состоять из фрагментов сразу нескольких источников, чередующихся друг с другом. Например, считается, что в 7-й главе книги Бытия стихи 1–5, 7, 10, 12, 16b–20, 22–23 относятся к Яхвисту, а стихи 8–9, 11, 13–16a, 21, 24 — к «Жреческому кодексу» (см., напр.: [Фридман Р., 2011, 354]).

Критики такого расчленения библейского текста еще в XIX — нач. XX вв. указывали на шаткость и надуманность подобной процедуры, аргументируя это, в том числе, следующим наблюдением: если сложить вместе выделенные фрагменты якобы одного источника (к примеру, стихи Быт 7, относящиеся к P), то единого связного текста не получится (см., напр.: [Юнгеро́в, 1907, 79–85, 112–113]).

Именно этот же аргумент в конце XX в. приводит упомянутый Джон Ван Сетерс для обоснования своей гипотезы происхождения Пятикнижия («новой гипотезы дополнений», как ее называет сам Ван Сетерс [Van Seters, 1998, 14]), в которой, в отличие от классической документальной гипотезы, «Жреческий кодекс» представляет собой не независимый источник, а лишь более позднее дополнение к J. Как пример того, что тексты P при их соединении друг с другом не образуют единое связное произведение, Ван Сетерс приводит главу 7 книги Исход. Здесь первые семь стихов, которые являются введением к повествованию о казнях, обычно относят как раз к источнику P (см., напр.: [Фридман Р., 2011, 360]). В этих стихах Господь предупреждает Моисея

²⁶ Можно привести и самый пространный, первый вариант правила: «Выбиралось имя YHWH тогда, когда текст отражал израильское представление о Боге, которое... находило выражение в атрибутах, традиционно приписываемых Ему Израилем, особенно в Его этическом характере; имя же 'Elohim предпочиталось тогда, когда отрывок подразумевал абстрактную идею Божества... Бога, воспринимаемого как Творца физической вселенной, как Правителя природы, как Источник жизни» [Cassuto, 1961, 31].

²⁷ Обзор взглядов данного ученого см. в: [Виноградов, 2021, 11–38].

о том, что, когда он будет послан говорить с фараоном об освобождении Израиля, фараон не станет его слушать, т.к. Бог ожесточит сердце фараона, чтобы наложить Свой суд на Египет (Исх 7:2–4). Однако, как указывает Ван Сетерс, нигде далее в материале, относящемся к «Жреческому кодексу», Моисей и Аарон не говорят с фараоном. Т. е. текст Р в Исх 7:1–7 предполагает наличие уже готового текста Яхвиста, в котором происходит упомянутый диалог Моисея с фараоном ([Van Seters, 1994, 105–106, 112]; см. также [Виноградов, 2021, 31]).

3. Еще одним обычным аргументом отечественных библеистов XIX — нач. XX вв. против разделения Пятикнижия на источники было указание на тот факт, что разные библеисты критической школы делят текст на источники по-разному, что свидетельствует о произвольности и предвзятости этого разделения (см., напр.: [Юнгеров, 1907, 112]).

И во 2-й пол. XX в. многие исследователи с этим доводом также соглашались. Так, например, рассматривая распределение Ван Сетерсом материала между источниками J и P, оксфордский библеист Хуг Уильямсон, указывает, что «разделение материала между источниками часто основывается на широких предпосылках о процессе составления текста, а не на лингвистических или иных критериях в каждом отдельном отрывке» [Williamson, 1995, 431].

На отсутствие единого мнения относительно деления источников также указывал известный немецкий библеист Рольф Рендторфф, который отказался от выделения этих источников вообще, считая, что «забота о разделении источников мешает ученым уделять должное внимание другим вопросам экзегезы текста и пониманию его истории» ([Rendtorff, 1990, 181]; см. также [Лаврентьев, 2020, 118–137]).

4. Одним из важнейших свидетельств того, что не пророком Моисеем написано Пятикнижие, по мнению библейских критиков, является наличие в тексте анахронизмов. Классическим примером анахронизма, известного еще из знаменитой загадки Авраама ибн Эзры (XI–XII в.)²⁸ и до сих пор многими упоминаемого (см., напр.: [Van Seters, 1998, 5]), является использование в Пятикнижии таких словосочетаний, как *b^e’ēber* или *mē’ēber hayyardēn* (напр., Числ 22:1; Втор 1:1, 5; 4:41, 46–47 др.). Проблема состоит в том, что эти словосочетания, по мнению критиков, имеют только одно значение: «по ту сторону Иордана, за Иорданом» (т. е. по другую сторону реки от рассказчика), причем, в более узком смысле, являются общепринятым географическим термином, обозначающим именно восточную сторону Иордана²⁹. А так как пророк Моисей не переходил через Иордан и умер в местности, лежащей на восток от этой реки, и, следовательно, для него все происходило «по эту сторону Иордана», то, значит, он не мог быть тем, кто написал про восточно-иорданскую местность: «Сии суть слова, которые говорил Моисей всем Израильтянам за (*b^e’ēber*) Иорданом...» (Втор 1:1) и проч. Очевидно, этим писателем был человек, уже живший на противоположной (западной) стороне Иордана после того, как евреи завоевали Ханаан³⁰.

²⁸ Эту загадку, состоящую из целого ряда предполагаемых примеров анахронизмов, приводит Спиноза: «За Иорданом и проч., лишь только уразумеешь тайну двенадцати — и Моисей написал также закон. И ханаанец тогда был на земле; на горе божией будет открыто; потом также вот постель его — постель железная; тогда узнаешь истину», которую за тем сам поясняет: «самое предисловие Второзакония, которое Моисеем, не переходившим Иордана, не могло быть написано» (Спиноза, 2015, 106).

²⁹ Ср. используемый в современной исторической и географической литературе термин «Трансиордания», или «Зайорданье».

³⁰ В тексте Пятикнижия есть примеры того, что оборот *b^e’ēber* (или *mē’ēber*) *hayyardēn* употребляется для обозначения противоположной, но не восточной, а западной стороны Иордана (напр., Втор 3:20, 25). Причем такое употребление, как замечают представители библейской критики, встречается лишь в прямой речи от лица пророка Моисея или других персонажей Пятикнижия, тогда как автор текста использует данный оборот только в значении «по ту сторону Иордана к востоку». Это различие точек зрения (с одной стороны, автора текста, а с другой — персонажа: пророка Моисея и др.) четко прослеживается, например, в старом (нач. XX в.), но до сих пор используемом и авторитетном словаре BDB [Brown et al, 1907, 719].

Разбирая этот анахронизм, отечественные защитники авторства прор. Моисея на основании тщательного анализа библейского текста указывают в первую очередь на то, что слова *bē'ēber* или *mē'ēber* означают не только «по ту», но и «по эту сторону». Так, определено «эта» (с точки зрения говорящего — пророка Моисея) восточная сторона Иордана имеется в виду во Втор 3:8³¹. Но еще более показательным является то, что данный оборот в качестве «этой стороны» несколько раз используется автором книги Иисуса Навина³² при указании на местность, находящуюся к западу от Иордана (напр., Нав 5:1; 9:1–2, 12:7; 22:7). Ведь очевидно, что сам автор книги жил уже после того, как евреи завоевали Ханаан, т.е. для него западно-иорданская территория находилась именно «по эту», а не «по ту сторону Иордана». Кроме того, в Пятикнижии есть места (напр., Числ 32:19)³³, где данное словосочетание встречается дважды в одном библейском стихе и употребляется одновременно для обозначения и той, и другой стороны Иордана. Наконец, если формула «*ēber hayyardēn*» являлась бы устоявшимся и общепринятым термином для обозначения местности к востоку за Иорданом, то этим бы исключались всякие дополнительные географические пояснения к ней, указывающие на конкретную сторону реки. Однако такие пояснения («к востоку», «к западу», «к морю» и т.д.) нередко встречаются как в Пятикнижии, так и в других библейских книгах (например, о западно-иорданской местности: Втор 11:30; Нав 5:1; 9:1; 12:7; 22:7; а о территории к востоку от Иордана еще больше: Числ 32:19; 34:15; Втор 4:41, 47, 49; Нав 1:15; 12:1; 13:8, 27, 32; 18:7; 20:8). Это означает, что *bē'ēber* или *mē'ēber hayyardēn* не есть какой-либо общепринятый термин для обозначения только восточных заиорданских областей, а имеет более широкое значение. В целом, если слово *ēber* означает сторону, то *bē'ēber* (или *mē'ēber*) *hayyardēn* может означать вообще «при Иордане», или же, при имеющемся уточнении (к востоку или к западу), — ту или эту сторону Иордана. Таким образом, употребление данных словосочетаний в Пятикнижии, по мнению дореволюционных библеистов, не является анахронизмом (подробнейший разбор этого «анахронизма» см. в: [Елеонский Ф., 1873, 692–730]; также см. [Юнгеров, 1907, 67–68] и др.).

С данным выводом о широком значении оборота «*bē'ēber* (или *mē'ēber*) *hayyardēn*» (т.е. не только в смысле «за Иорданом к востоку») и, следовательно, о несостоятельности обсуждаемого «анахронизма» в целом, согласуется практика переводов Пятикнижия в XIX–XXI вв. Так, во Втор 1:1 оборот «*bē'ēber*» понимается в смысле «на берегу Иордана» в иудейских переводах на русский язык Л. Мандельштама (1862) и, из современных, — Ф. Гурфинкель (1976) и «Тора ми-Цион» (2011). А русский перевод О. Н. Штейнберга (1912) и некоторые англоязычные переводы (в частности, New King James Version, 1982 и др.)³⁴ дают значение «на этой стороне Иордана». На широкое значение оборота «*bē'ēber* (или *mē'ēber*) *hayyardēn*» указывают и современные словари библейского иврита³⁵.

³¹ «И взяли мы в то время из руки двух царей Аморрейских землю сию, которая по эту сторону (*bē'ēber*) Иордана, от потока Арнона до горы Ермона».

³² Надо учитывать, что эта книга, по мнению Ю. Велльгаузена и прочих критиков, по своему происхождению тесно связана с Второзаконием.

³³ «ибо мы не возьмем с ними удела по ту сторону (*mē'ēber*) Иордана и далее, если удел нам достанется по эту сторону (*mē'ēber*) Иордана, к востоку».

³⁴ «These are the words which Moses spoke to all Israel on this side (*bē'ēber*) of the Jordan in the wilderness» (Dt 1:1).

³⁵ Напр., «другая сторона, область за пределами, с точки зрения говорящего, будь то восток (к примеру, Числ 32:19, 34:15; Втор 4:41; Нав 13:8, 18:7, 20:8, 24:2; 2 Цар 10:16; 3 Цар 14:15; Ис 7:20) или запад (Нав 5:1, 12:7, 22:7; 3 Цар 5:4; 1 Езд 8:36; Неем 2:7), или, независимо от точки зрения, область, пограничная территория» [The Dictionary, 2011, 243]. Показательно, что из приведенных в этом словаре ссылок на Пятикнижие убраны все примеры обсуждаемого анахронизма, тогда как в том же словаре BDB (нач. XX в.) они приводятся [Brown et al., 1907, 719]. Также достаточно широкое определение дается в новом отечественном словаре: «может обозначать земли и к востоку от Иордана (Втор 1:1), и к западу от Иордана (Втор 3:20)» [Графов, 2019, 365].

5. Еще один пример актуальности аргументации дореволюционных библеистов в защиту подлинности Пятикнижия — обсуждение проблемы наличия ссылок на Пятикнижие в книгах древних пророков (Осии, Амоса и др.). Библейские критики в XIX–XX вв. этот аргумент отметали на том основании, что все эти ссылки являются поздними вставками редакторов Библии. Однако и сегодня есть исследования (напр., посвященные Ос 12) [Ramirez, 2015; Ausin, 1991], в которых показывается, что попытки отвергнуть данные ссылки «на основании поэтического строя, лексики, грамматики, типологии идей и т.д. оказываются неудовлетворительными», и делается осторожный вывод о том, что аллюзии на Бытие и Исход в книге пророка Осии (гл. 12) является «свидетельством того, что некоторые из историй Иакова и Моисея существовали уже во второй половине восьмого века до н.э.» [Ramirez, 2015, 137].

* * *

Из приведенных примеров видно, что работы дореволюционных библеистов (и в плане методологии, и в плане фактического материала) во многих аспектах достаточно актуальны и их выводы схожи с теми, которые делаются сейчас современными библеистами, в том числе сторонниками библейской критики. Поэтому представляется, что основанные на тщательном историко-филологическом анализе библейского текста аргументы отечественных исследователей XIX — нач. XX в. относительно происхождения Пятикнижия еще могут пригодиться (конечно, с учетом тех открытий, которые были сделаны в XX в.) и их не стоит игнорировать. Как до сих пор ссылаются на авторов XIX — нач. XX в. из критического лагеря (Де Ветте, Велльгаузена, Гункеля и др.), так нужно использовать и работы дореволюционных русских библеистов. Конечно, нельзя некритически относиться ко всему тому, что писали отечественные ученые, и они сами в этом показывали пример, полемизируя друг с другом и добываясь, чтобы аргументация была надежной и обоснованной. Но полностью отвергать их наработки представляется все же непродуктивным³⁶.

При этом, как кажется, вполне понятно, почему у некоторых современных отечественных и даже православных ученых дореволюционная библеистика вызывает неприятие. Очевидно, что со второй половины XIX в. в мировой библеистике постепенно происходила смена исследовательской парадигмы, и в конце концов окончательно возобладала полностью рационалистическая установка в исследовании Библии с характерным для нее отвержением традиционно понимаемой богодухновенности Писания и любого сверхъестественного элемента (чудес и проч.). Находясь в современной парадигме, трудно принять результаты тех исследований, которые делались в рамках прежней парадигмы, когда Писание понималось как истинное Слово Божие и рассматривалось через призму церковной традиции. Конечно, возникшая во 2-й пол. XIX в. парадигма была более близка к идеалу науки Нового времени с ее позитивизмом. Но все же надо учитывать и то, что эта рационалистическая парадигма имеет свои истоки, в целом, вне христианского мировоззрения, и поэтому всегда возникает вопрос: а могут ли вообще христиане изучать Библию в рамках такой парадигмы?

К счастью, в гуманитарных науках, в отличие от естественных, смена парадигм не абсолютна и не однонаправленна. Все, видимо, зависит от устройства самого человека. Возможно, со временем сугубо рационалистическая установка изучения Писания сменится другой, более соответствующей христианскому мировоззрению.

³⁶ Еще одной проблемой обсуждаемых отечественных исследований является их обычная апологетическая направленность. На это указывают современные библеисты, и об этом же писали сами дореволюционные ученые (напр., [Жданов, 1913–14, 17–18]). Однако эта зависимость исследований от внешних вызовов может быть в какой-то мере оправдана тем, что это достаточно традиционная позиция Церкви: давать ответ на вопрос только тогда, когда этот вопрос прозвучит, что особенно хорошо видно в истории раскрытия церковных догматов в ответ на появление какой-либо ереси.

Источники и литература

Источники

1. Августин (2000) — *Августин, блж.* О книги Бытия буквально, в 12 книгах // *Августин, блж.* Творения: в 4 т. Т. 2: Теологические трактаты. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 316–673.
2. Гоббс (2001) — *Гоббс Т.* Левиафан / Пер. А. Гутермана. М.: Мысль, 2001.
3. Спиноза (2015) — *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М. М. Лопаткина, С. М. Роговина, Б. В. Чредина. М.: Академический проект, 2015.

Литература

4. Бродович (1901) — *Бродович И. А.* Книга пророка Осии: Введение и экзегезис (магистерская диссертация). Киев, 1901.
5. Введенский (1914) — *Введенский Д. И.* Патриарх Иосиф и Египет: Опыт соглашения Библии и египтологии. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1914.
6. Велльгаузен (1909) — *Велльгаузен Ю.* Введение в историю Израиля / Пер. с нем., вступл., прилож. Н. М. Никольского. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1909.
7. Виноградов (2021) — *Виноградов М. В.* Изучение Пятикнижия и Новая гипотеза дополнений Джона ван Сетерса // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 33. С. 11–38.
8. Властов (1879) — *Властов Г. К.* Священная летопись первых времен мира и человечества как путеводная нить при научных изысканиях: в 3 т. Изд. 2-е. СПб: Типография тов-ва «Общественная польза», 1879. Т. 1: Вступление и книга Бытия с примечаниями и картою.
9. Глаголев А. (1912) — *Глаголев А. А.* Левиты и левитское колено // Труды КДА. 1912. Т. 1. С. 173–190, 341–361.
10. Глаголев А. (1914) — *Глаголев А. А.* Закон ужичества или левиратный брак у древних евреев (Библейско-археологический очерк). Киев: Тип. «Петр Барский», 1914. 22 с.
11. Глаголев С. (1899) — *Глаголев С. С.* Предисловие к разделу «Израильтяне» // Иллюстрированная история религий / Под ред. проф. П. Д. Шантепи де ля Соссей; пер. с нем. М.: Книжное дело, 1899. Т. 1. С. 330–331.
12. Графов (2019) — *Графов А. Э.* Словарь библейского иврита. М.: Текст, 2019.
13. Дагаев (1898) — *Дагаев Н. К.* История ветхозаветного канона. СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1898.
14. Де Ветте (1964) — *Де Ветте В. М. Л.* Очерки к введению в Ветхий Завет // Происхождение Библии (из истории библейской критики): Ветхий Завет / Сост., вступл., прим. И. А. Крывелева; Ин-т истории АН СССР. М.: Наука, 1964. С. 304–305. (Научно-атеистическая б-ка).
15. Елеонский Н. (1872–73) — *Елеонский Н., прот.* История (порождения) небес и земли. Сотворение мира. Рай. Грехопадение. Опыт истолкования 1:1–3:24 книги Бытия // ЧОЛДП. 1872. Кн. 1. С. 104–124, 153–164; Кн. 2. С. 34–63; 1873, Кн. 3. С. 9–35.
16. Елеонский Н. (1904) — *Елеонский Н., прот.* Современная критика священных ветхозаветных Писаний и ее слабые стороны. М., 1904.
17. Елеонский Ф. (1871–1873) — *Елеонский Ф. Г.* Разбор мнений современной отрицательной критики о времени написания Пятикнижия // Христианское чтение. 1871. № 10. С. 615–642; № 12. С. 935–957; 1872. № 2. С. 303–320; № 8. С. 574–621; 1873. № 5. С. 115–133; № 8. С. 692–730; № 11. С. 425–437; № 12. С. 667–702.
18. Елеонский Ф. (1877) — *Елеонский Ф. Г.* Издание священных книг: Исход и Левит — с объяснительными примечаниями (критический разбор) [рецензия на 2-й том «Священной летописи» Георгия Властова. СПб, 1877] // Христианское чтение. 1877. № 11–12. С. 709–762.
19. Елеонский Ф. (1884) — *Елеонский Ф. Г.* Важнейшие задачи при научном рассмотрении библейских событий, относящихся ко времени пребывания израильтян в Египте // Христианское чтение. 1884. № 9–10. С. 277–278.

20. Елеонский Ф. (1899а) — *Елеонский Ф. Г.* Исходный пункт исторической или высшей критики // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 981–1005.
21. Елеонский Ф. (1899б) — *Елеонский Ф. Г.* Разбор мнений так называемой высшей критики о ветхозаветной истории // Христианское чтение. 1899. № 7. С. 67–96.
22. Елеонский Ф. (1900) — *Елеонский Ф. Г.* Разбор суждений критики о религиозных верованиях, какие имел Израильский народ во времена, предшествовавшие так называемым первым пророкам-писателям // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 913–939.
23. Елеонский Ф. (1901) — *Елеонский Ф. Г.* Отечественные труды по изучению Библии в течение второй половины XIX века // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 633–638.
24. Жданов (1913–14) — *Жданов А. А.* Из лекций по Священному Писанию Ветхого Завета // Богословский вестник. 1913. № 1, 2, 4, 5, 7–8, 9; 1914. № 1–4, 7–8. С. 1–200.
25. Ириной Пиковский (2016) — *Ириной (Пиковский), иером.* Отношение проф. Юнгера П. А. к историко-критическому методу толкования Св. Писания (2016). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/otnoshenie-prof-yungerova-p-a-k-istoriko-kriticheskim-metodom-tolkovaniya-sv-pisaniya/ (дата обращения: 06.12.2021).
26. Калинин (2013) — *Калинин М. Г.* Кассуто // Православная Энциклопедия. Т. 31. М., 2013. С. 578–581.
27. Лаврентьев (2020) — *Лаврентьев А. В.* Критика Документальной гипотезы и проблема происхождения Пятикнижия в теоретических разработках Рольфа Рендторфа // Библия и христианская древность. 2020. № 4 (8). С. 118–137.
28. Леонардов (1903) — *Леонардов Д. С.* Теории вдохновения и происхождения Св. Писания на Западе в XVIII и XIX веках // Вера и разум. 1903. № 17. С. 248–267.
29. Леонардов (1904) — *Леонардов Д. С.* Теории вдохновения и происхождения Священного Писания на Западе в прошлом [XIX] веке // Вера и разум. 1904. № 23. С. 591–612.
30. Лопухин (1889) — *Лопухин А. П.* Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Ветхий Завет: в 2 т. Т. 1: От сотворения мира до пророка Самуила. СПб.: Тип. Тузова, 1889.
31. Лопухин (1895) — *Лопухин А. П.* Голос истории против отрицательной критики (Несостоятельность основного аргумента отрицательной критики о неподлинности Пятикнижия Моисеева пред лицом новейших историко-археологических открытий) // Христианское чтение. 1895. II. С. 468–488.
32. Мень (1987) — *Мень А., прот.* О русской православной библеистике // Богословские труды. 1987. Сб. 28. С. 278.
33. Михаил Лузин (1899) — *Михаил (Лузин), еп.* Библейская наука. Кн. 2: Пятикнижие Моисеево / Под. ред. Н. И. Троицкого. Тула, 1899.
34. Мышцын (1902) — *Мышцын В. Н.* О неудачном соединении научного критицизма с православной точкой зрения: Ответ проф. Н. М. Дроздову // Богословский вестник. 1902. № 12. С. 648–680.
35. Покровский (1890) — *Покровский Ф. Я.* По поводу возражений современной критики против существования Моисеева закона ранее древнейших пророков-писателей (Речь, произнесенная на годовичном акте КДА 15 окт. 1889 г.) // Труды КДА. 1890. № 1 (январь). С. 61–98.
36. Райзер (2011) — *Райзер М.* Ришар Симон (1638–1712) и библейская критика // Вестник ПСТГУ. Сер.: Богословие. Философия. 2011. Вып. 6 (38). С. 87–98.
37. Ранович (1990) — *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1990. С. 369.
38. Рождественский (1905) — *Рождественский А. П., свящ.* Архимандрит Феофан (Быстров). — Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя. С.-Пб., 1905 [рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Новая серия II, апрель. С. 406.
39. Рыбинский (1905) — *Рыбинский В. П.* Иеговисты и элогисты // ПБЭ. 1905. Т. 6. С. 205–208.
40. Рыбинский (1908) — *Рыбинский В. П.* Библейская ветхозаветная критика // Труды КДА. 1908. С. 575–613.
41. Селезнев (2014) — *Селезнев М. Г.* Исследуйте Писания. О переломном моменте в истории русской библеистики // Журнал Московской Патриархии. 2014. № 2. С. 72.

42. Смирнов (1887) — *Смирнов А. А., прот.* Новое построение истории еврейского народа и новые суждения об исторических лицах его: [Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной Академии 1 октября 1887 года] // Прибавление к творениям св. отцов. 1887. № 40. Т. 4. С. 185–238.
43. Сухова (2007) — *Сухова Н. Ю.* Научные командировки преподавателей духовных академий за границу и их значение для российского образования и науки (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 189–209.
44. Сухова (2012) — *Сухова Н. Ю.* Ученые российских духовных академий и Святая земля (XIX — начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2012. № 5 (48). С. 28–34.
45. Сухова (2014) — *Сухова Н. Ю.* «Дело протоиерея Герасима Павского»: проблема «историзма» в русской библеистике // *Филаретовский альманах.* 2014. № 10. С. 88–107.
46. Тантлевский (2000) — *Тантлевский И. Р.* Введение в Пятикнижие. М.: Изд-во РГГУ, 2000.
47. Тепляшин (2009) — *Тепляшин А. О.* Профессор СПбДА протоиерей Александр Рождественский как экзегет Священного Писания Ветхого Завета // *Христианское чтение.* 2009. № 9–10. С. 122–177.
48. Феофан Быстров (1905) — *Феофан (Быстров), архим.* Тетраграмма, или Божественное Ветхозаветное имя. СПб., 1905.
49. Филарет Дроздов (1819) — *Филарет (Дроздов), свт.* Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Изд. 2-е. СПб.: Медицинская типография, 1819.
50. Филарет Дроздов (1858) — *Филарет (Дроздов), свт.* О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славенского переводов Священного Писания // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1858. № 17. Т. 3. С. 452–484.
51. Фридман И. (2019) — *Фридман И. А.* Умберто Кассуто как критик документальной гипотезы происхождения Пятикнижия // *Богословский вестник.* 2019. № 4 (35). С. 17–37.
52. Фридман Р. (2011) — *Фридман Р.* Как создавалась Библия / Пер. с англ. Г. Ястребова. М.: Эксмо, 2011.
53. Царевский (1889) — *Царевский А.* О подлинности Пятикнижия (пер. из *Cursus Scripturae sacrae.* Par. 1885 г.) // *Труды КДА.* 1889. С. 188–207.
54. Шифман (1987) — *Шифман И. Ш.* Ветхий Завет и его мир: Ветхий завет как памятник литературы и общественной жизни древней Передней Азии. М.: Политиздат, 1987.
55. Юнгеров (1880) — *Юнгеров П. А.* Повествование о творении мира и человека в 1, 2 и 5 главах кн. Бытия в отношении к вопросу о происхождении и писателе книги // *Православный собеседник.* 1880. № 4. С. 394–414.
56. Юнгеров (1897) — *Юнгеров П. А.* Книга пророка Амоса: введение, перевод и объяснение. Казань, 1897.
57. Юнгеров (1907) — *Юнгеров П. А.* Частное историко-критическое введение в Священные Ветхозаветные книги. Вып. 1: Книги законоположительные, исторические и учительные. Казань: Центральная типография, 1907.
58. Юревич (2002) — *Юревич Д., диак.* Александр Павлович Лопухин: жизненный подвиг «аскета ученого труда» (к 150-летию со дня рождения) // *Церковный вестник.* 2002. № 10.
59. Юревич (2005) — *Юревич Д., свящ.* Учение о богодухновенности Священного Писания и его актуальность в современных библейских исследованиях // XV Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2005. С. 29–36.
60. Albertz (2018) — *Albertz R.* The recent discussion on the formation of the Pentateuch/Hexateuch // *Hebrew Studies.* 2018. Vol. 59. P. 65–92.
61. Ausin (1991) — *Ausin S.* La tradición de Jacob en Oseas 12 // *Estudios Bíblicos.* 1991. Vol. 49. P. 5–23.
62. Brown et al. (1907) — *Brown F., Driver S.R., Briggs C.A.* A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford: Clarendon, 1907.

63. Cassuto (1961) — *Cassuto U.* The Documentary Hypothesis and the Composition of the Pentateuch / Transl. by I. Abrahams. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1961.
64. Clines (2011) — The Dictionary of Classical Hebrew / Ed. by D. J. A. Clines. Sheffield, 2011. Vol. 6.
65. Cornely (1897) — *Cornely R.* Historica et critica introductio in V.T. libros sacros: pt.1. Introduction specialis in historicos V.T. libros; pt. 2. Introductio specialis in didacticos et propheticos V.T. libros. Parisiis: P. Lethielleux, 1897.
66. Green (1896) — *Green W.H.* The higher criticism of the Pentateuch. New York: Charles Scribner's Sons, 1896.
67. Hävernick (1856) — *Hävernick H. A. Ch., von.* Spezielle Einleitung in den Pentateuch. Aufl. 2 Frankfurt a. M., Erlangen, 1856.
68. Hengstenberg (1839) — *Hengstenberg E. W.* Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. Berl., 1839. Bd. 3: Die Authentie des Pentateuches.
69. Hummelauer (1895) — *Hummelauer Fr. von.* Commentarius in Genesim. Parisiis: P. Lethielleux, 1895.
70. Hummelauer (1901) — *Hummelauer Fr. von.* Commentarius in Deuteronomium. Parisiis: P. Lethielleux, 1901.
71. Keil (1873) — *Keil C. F.* Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kanonischen und apokryphischen Schriften des Alten Testaments. Aufl. 3. Frankfurt a. M., 1873.
72. Keil, Delitzsch (1885) — *Keil C. F., Delitzsch F.* Biblical Commentary on the Old Testament / Transl. in English by J. Martin. Vol. I: The Pentateuch. Edinb.: T&T Clark, 1885.
73. Kurtz (1846) — *Kurtz J. H.* Die Einheit der Genesis: ein Beitr. z. Kritik u. Exegese d. Genesis. Berl., 1846.
74. Lex Mosaica (1894) — *Lex Mosaica, or The law of Moses and higher Criticism* / Ed. by R. V. French. L.: Eyre and Spottiswoode, 1894.
75. Martin (1886–89) — *Martin. J. P. P.* Introduction a la critique générale de l'Ancien Testament. De l'origine du Pentateuque: en 3 vol. Paris: Maisonneuve frères et C. Leclerc, 1886–1889.
76. Ramirez (2015) — *Ramirez F. F.* Are The Allusions To Jacob And Moses In Hosea 12 Late Insertions? // Landas. 2015. Vol. 29. Pt. 2. P. 119–143.
77. Rendtorff (1990) — *Rendtorff R.* The Problem of the Process of Transmission in the Pentateuch / Transl. by J. J. Scullion. Sheffield: JSOT Press, 1990.
78. Robertson (1896) — *Robertson J.* The early religion of Israel as set forth by Biblical writers and by modern critical historians. 5 ed. Edinburg & L.: William Blackwood & sons, 1896.
79. Smith (1868) — *Smith W.* The Book of Moses: Or, The Pentateuch in Its Authorship, Credibility, and Civilisation. Vol. 1. L.: Longmans, Green & Co, 1868.
80. The Holy Bible (1871) — The Holy Bible according to the authorized version (A. D. 1611) with an explanatory and critical commentary and a revision of the translation by bishops and clergy of the Anglican Church / Ed. by F. C. Cook, M. A., Canon of Exeter: 11 in 13 vol. L., 1871. Vol. I. Pt. 1: Genesis–Exodus; Vol. I. Pt. 2: Leviticus–Deuteronomy.
81. Van Seters (1994) — *Van Seters J.* The life of Moses: The Yahwist as Historian in Exodus–Numbers. Kampen, Netherlands: Kok Pharos Publishing House, 1994.
82. Van Seters (1998) — *Van Seters J.* The Pentateuch (Genesis, Exodus, Leviticus, Numbers, Deuteronomy) // The Hebrew Bible Today: An Introduction to Critical Issues / Eds. S. L. McKenzie, M. P. Graham. Louisville, 1998. P. 3–49.
83. Van Seters (1999) — *Van Seters J.* The Pentateuch: A Social Science Commentary. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1999.
84. Vigouroux (1887) — *Vigouroux F.* Les livres saintes et la critique rationaliste: histoire et réfutation des objections des incrédules contre les Saintes Écritures. T. III. Paris: A. Roger et F. Chernoviz, 1887.
85. Williamson (1995) — *Williamson H. G. M.* The Life of Moses: The Yahwist as Historian in Exodus–Numbers by John Van Seters // *Vetus Testamentum*. 1995. Vol. 45. № 3. P. 431–432.